

“Континент”, № 60, 1989 г.
Александр Зиновьев

Манифест социальной оппозиции

Я неоднократно обращал внимание на неоднородность оппозиционного движения в России в прошедшие годы, и выделял в нем одну тенденцию, которую я назвал “социальной оппозицией”. В этой статье я хочу несколько подробнее разъяснить, как я представляю себе эту форму оппозиции и ее перспективу. При этом я буду вместо слова “я” употреблять слово “мы”, но не потому, что уже имеется много участников социальной оппозиции, разделяющих мои взгляды... Назвал я свою статью “манифестом” не из претензии указывать новые пути человечеству, а с целью оттенить литературную форму текста, а именно – его безапелляционно-декларативный стиль.

Публикация 1989 г.

Манифест социальной оппозиции

Предисловие

Я неоднократно обращал внимание на неоднородность оппозиционного движения в России в прошедшие годы, и выделял в нем одну тенденцию, которую я назвал “социальной оппозицией”. В этой статье я хочу несколько подробнее разъяснить, как я представляю себе эту форму оппозиции и ее перспективу. При этом я буду вместо слова “я” употреблять слово “мы”, но не потому, что уже имеется много участников социальной оппозиции, разделяющих мои взгляды, – этим я как раз не могу похвастаться, – а исключительно по той причине, по какой так поступают многие авторы научных или публицистических сочинений: слово “я” вызывает у читателя впечатление раздражающей нескромности, тогда как слово “мы” придает тексту вид успокаивающей обезличенности. Назвал я свою статью “манифестом” не из претензии указывать новые пути человечеству, а с целью оттенить литературную форму текста, а именно – его безапелляционно-декларативный стиль.

Название оппозиции

Мы называем себя оппозицией социальной, а не какой-нибудь иной, руководствуясь следующими соображениями. Прежде всего мы тем самым хотим отличить себя от исчерпавшего себя диссидентства, от конъюнктурного антисталинизма и антибрежневизма, от либерального и культурного фрондерства, от национализма, от религиозного сектантства, от псевдооппозиционных неформальных групп, использующих перестроечную демагогию советского руководства и временные послабления режима, от притворной игры властей и их холуев в критиков советского общества. Мы находимся в оппозиции не к отдельным негативным фактам советского образа жизни, а к самому социальному строю, к системе власти и идеологии страны, причем не временно, а на все времена, пока существует коммунизм. Для нас состояние оппозиции есть не конъюнктурное средство в каких-то корыстных расчетах, а сознательно избранное жизненное призвание. Называя себя оппозицией социальной, а не политической, мы тем самым хотим подчеркнуть, что не имеем ближайшей целью разрушение социального строя в нашей стране и даже реформирование его; это не означает, что мы принимаем его – это означает, что мы хотим действовать по правилам серьезной истории. Мы – реалисты; если бы нам было известно лучшее социальное устройство и если бы мы были уверены в возможности его реализации, мы стали бы бороться за него без колебаний. Но увы, мы пока не видим такой перспективы; мы ставим

перед собой более фундаментальную цель, а именно: борьбу за создание в нашей стране условий, в которых достаточно большое число граждан смогло бы начать обдумывание путей прогресса в интересах широких слоев населения, а не в интересах привилегированных слоев правящей верхушки. В современных условиях никакая оппозиция не способна организовать жизнь общества лучше, чем это делает существующее руководство; тем более в ближайшие десятилетия вообще не предвидится никакая возможность для оппозиции принимать участие в системе власти и управления страной. Поэтому мы считаем бессмысленными всякие политические цели в качестве реалистических целей оппозиции. Мы считаем, что в современных условиях никакие преобразования коммунистического общества, сохраняющие его социальный строй, систему власти и идеологию, не способны радикально изменить образ жизни населения страны. Незначительные же преобразования может осуществить само руководство общества. Мы не хотим в этом становиться его добровольными помощниками. А чтобы созрели здоровые идеи радикальной, а не фиктивно-пропагандистской, какой является горбачевская, перестройки общества, и реальные условия для нее, нужен длительный исторический процесс. Мы отвергаем всякий реформаторский авантюризм; мы не намерены дурачить массы соотечественников лозунгами, которые либо в принципе нереализуемы, либо в реальном исполнении ведут в еще худшим последствиям, чем те явления, против которых они направлены. Мы не хотим участвовать в бессмысленных попытках изнасиловать исторический процесс в угоду абстрактным идеям и не считаясь с объективными социальными закономерностями. Мы не хотим участвовать в словоблудии, которое неизбежно возникает в ситуации, когда в оппозиционное движение вовлекаются массы случайных людей, начиная от конъюнктурщиков и кончая партийными чиновниками. Мы намерены быть в оппозиции на основе интеллектуальной добросовестности, здравого смысла и моральных принципов.

Наш подход к коммунизму

Наш статус социальной оппозиции определяется прежде всего тем, как мы подходим к пониманию нашего общества. Мы считаем, что наше общество является коммунистическим, реальным коммунизмом. Мы отвергаем марксистское учение о коммунизме как ненаучное; мы настаиваем на научно-объективном понимании коммунизма. При этом мы имеем целью разрушение всяких иллюзий насчет коммунизма как общества всеобщего благополучия, равенства и справедливости. Мы называем коммунизмом такое общество, в котором имеет место следующее. Ликвидированы классы частных собственников, национализированы или социализированы все средства производства и вообще все сферы человеческой деятельности, имеющие общественное значение, всё взрослое трудоспособное население организовано в стандартные деловые коллективы, основная масса граждан отдает свои силы и способности обществу и получает средства к существованию через свои деловые коллективы, все они суть служащие государства, создана единая централизованная система власти и управления, пронизывающая все общество во всех измерениях, создана единая государственная идеология и мощный аппарат идеологической обработки населения, созданы мощные карательные органы и органы охраны общественного порядка, централизована и унифицирована система образования и воспитания молодежи, сложился устойчивый образ жизни, в результате которого естественным образом воспроизводится коммунистический тип

человека и коммунистические общественные отношения. В нашей стране такое общество уже построено – построен самый полный коммунизм. Мы, таким образом, отвергаем марксистское различие двух стадий коммунизма: низшей – социализма, и высшей – полного коммунизма. Определение и различие типов общественного устройства по принципам распределения жизненных благ, а тем более по степени изобилия есть свидетельство социологической безграмотности такого подхода. Если принцип марксистского “полного коммунизма” “каждому по потребностям” понимать не обывательски, не в смысле удовлетворения любых желаний людей, а социологически, то есть в смысле удовлетворения общественно–признанных потребностей, то он реализован в нашей стране давно. Он реализуется вообще во всяком стабильном обществе в более–менее нормальных условиях. Реализация его вполне сочетается с низким жизненным уровнем. А высокий жизненный уровень не есть специфика коммунизма; с этой точки зрения западные страны неизмеримо ближе к состоянию изобилия, чем коммунистические страны. Общество изобилия на основе коммунизма вообще невозможно в силу самих внутренних закономерностей коммунизма. Коммунизм в принципе есть общество дефицита, а не изобилия. Коммунизм не устраняет социальное и материальное неравенство людей, не устраняет несправедливость, насилие и прочие язвы, которые марксизм приписывал классовому обществу прошлого – а лишь меняет их исторические формы и добавляет к ним свои новые.

Мы отвергаем широко распространенное мнение, будто реальный коммунизм есть воплощение в жизнь марксистских идеалов, будто он навязан кучкой идеологов массам населения путем насилия и обмана, вопреки воле, желаниям и интересам масс. Коммунизм есть социальная организация масс населения, а не просто политический режим, который можно изменить распоряжениями начальства. Он сложился в нашей стране не по марксистскому проекту и не по воле марксистских идеологов, а в силу объективных законов организации больших масс населения в единый социальный организм. Он явился результатом исторического творчества миллионов людей. Люди, строившие его, либо не имели вообще никакого понятия о марксизме, либо знали его весьма смутно и интерпретировали на свой лад. Кроме того, коммунизм в нашей стране сложился не на пустом месте. Он имел предпосылки в предреволюционном русском обществе. Это: централизованный государственный аппарат, привычка масс населения к подчинению властям, универсальные отношения людей в больших объединениях. Ликвидировав классы частных собственников, октябрьская революция расчистила путь для социальных отношений, ставших базисом нового общественного устройства. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский проект. Коммунизм обладает целым рядом качеств, являющихся соблазном для миллионов людей в нашей стране и во всем мире. Среди них можно назвать такие, как гарантированная работа, гарантированное удовлетворение минимальных жизненных потребностей, сравнительно легкие условия труда, формальная простота жизни, вовлеченность в жизнь коллектива, освобождение от забот, связанных с собственностью, и многое другое. Коммунизм в нашей стране держится уже как привычный и пока еще приемлемый для большинства граждан образ жизни. Если бы советское руководство вдруг задумало отменить его, оно встретило бы сопротивление широких слоев населения. Но за достоинства коммунизма приходится расплачиваться сравнительно низким жизненным уровнем, прикреплением к местам работы и жительства, тотальным контролем

коллектива за индивидуумом и власти за всем обществом, отсутствием демократических свобод и прочими дефектами коммунистического образа жизни, которые стали объектами оппозиционной критики в прошлые годы и официально признаны теперь. Кроме того, эти блага коммунизма, как выяснилось теперь, не являются незабываемыми. Сыграв свою роль в укреплении коммунизма, они оказались под угрозой ограничения и даже частичной ликвидации. Гражданам коммунистического общества предстоит еще сражаться за них во всю последующую историю коммунизма. Сами завоевания коммунизма станут объектом специфически коммунистических форм социальной борьбы. Мы видим свою задачу в том, чтобы разъяснить людям неразрывную связь достоинств и недостатков коммунизма, причем такую связь, в которых недостатки суть закономерные следствия достоинств. Мы, далее, видим свою задачу в том, чтобы разъяснить, что достоинства коммунизма не даются автоматически, самой социальной организацией, что за них нужно сражаться постоянно, что их уровень зависит от социальной активности населения. Мы утверждаем, что из самой сущности коммунизма с необходимостью вырастает: отсутствие у людей заинтересованности в повышении производительности труда, тенденция к застою в экономике, коррупция, бюрократизм, халтура, очковтирательство, карьеризм, бесхозяйственность, и прочие общеизвестные язвы советского образа жизни. Мы считаем их не результатом ошибок руководства или некоторых плохих свойств отдельных людей, а закономерным продуктом самого коммунистического социального строя. Коммунизм обречен вечно жить с ними и вечно бороться против них в интересах самосохранения. Мы не одобряем эти явления, мы не призываем даже бороться против них. Это не наше дело. Мы суть оппозиция не внутри власти, а вне ее, и к ней. Наша функция – вскрывать причины таких явлений и разъяснять населению доступными нам средствами. На вопрос “А что дальше, какова цель такой работы?”, мы отвечаем так: сама по себе эта задача требует для своего решения не одного поколения энтузиастов, а как распорядятся люди полученными с нашей помощью знаниями – это дело далекого будущего. А пока формирование научно объективного понимания происходящего есть самое что ни на есть практическая задача оппозиции.

Наше отношение к власти

Коммунизм есть всеобщая организация населения страны в систему отношений начальствования и подчинения. Здесь власть есть орудие внутренней организации масс людей, а не нечто внешнее им и стоящее над ними, есть форма и средство самоорганизации. Система власти, государственный механизм, или коротко говоря, государство, вырастает здесь из потребности обеспечить существование страны как единого социального организма, вырастает как грандиозная система, учреждений, функцией которой является сохранение целостности общества и управление им как единым целым, Так что марксистская теория возникновения государства оказалась ложной по отношению к государству коммунистическому. И она тем более оказалась ложной, предсказав отмирание государства при коммунизме. Коммунистическое общество без государства в такой же мере возможно, в какой возможен сложный и развитый биологический организм без центральной нервной системы. Государство при коммунизме не исчезает, а наоборот, превосходит все прошлые формы государственной машины как по размерам, так и по роли, играемой в жизни общества. Оно тут превращается в нечто большее, чем его предшественники: в сверхгосударство. Вырастая из недр общества, коммунистическое

государство вырастает в своего рода сверхобщество, живущее за счет общества, в которое оно погружено. Здесь уже не государство служит обществу, а наоборот, общество становится ареной и материалом деятельности сверхгосударства, сферой приложения его сил, средством удовлетворения его амбиций и потребностей. Сверхгосударство становится монопольным субъектом истории. Его жизнь со всеми его официальными спектаклями навязывается всему обществу в качестве всеобщего жизненного спектакля, в котором членам обычного общества – общества первого уровня – отводится роль исполнителей воли власти, статистов и восторженных зрителей.

В сферу внимания коммунистического сверхгосударства в принципе входят все аспекты жизни страны, включая внешнюю политику, внешнюю торговлю, промышленность, сельское хозяйство, культуру, спорт, быт и отдых людей, воспитание детей. Нет такого аспекта жизни людей, который так или иначе не подлежал бы контролю со стороны сверхгосударства. Если что-то и выпадает из-под его контроля, то это происходит в силу отклонения от фундаментального принципа тотальной подконтрольности, а не в силу отказа сверхгосударства от этого принципа. Последнее здесь обладает такой практической силой, что сверхгосударство подчиняет жизнь всего общества интересам управляемости. Интересам управляемости служит и система планирования, и прикрепление граждан к местам работы и жительства, и транспортные ограничения, и дефицит предметов потребления, и жилья, и общественные работы, и карательные органы, и система образования и трудоустройства, и организация деятельности предприятий и учреждений. Коммунистическое сверхгосударство имеет сложное строение. Основной стержень его образует то, что в Советском Союзе обозначают словами “коммунистическая партия”. Партия в коммунистической стране не есть некая единая организация в смысле западных партий, включал коммунистические; она распадается на множество автономных партийных организаций в первичных коллективах и на партийный аппарат, образующий стержень, скелет, основу, мозг и волю всей системы власти и управления. В стране может существовать несколько “партий”, но это не меняет сути дела: все равно какая-то совокупность учреждений станет играть ту же роль в обществе, какую играет партийный аппарат в Советском Союзе. Коммунистическое общество есть в принципе общество беспартийное в западном смысле, лишь принимающее обманчивую форму однопартийного, а возможно, и многопартийного.

Есть два способа, и два аспекта воспроизводства системы власти и управления. Первое – отбор кандидатов и назначение на посты сверху, и второе – выборы путем голосования из числа кандидатов, выдвигаемых снизу. Для коммунистического общества характерным является первый способ. Второй играет роль подчиненную, санкционируя predetermined результаты первого и маскируя их. При отборе кандидатов на посты в соответствующих инстанциях аппарата власти, контролирующих эти посты, рассматривается не один подходящий человек, а многие. Но если даже выборы будут формально производиться из двух или более кандидатов, последние заранее будут отобраны так, что их различия не будут оказывать существенного влияния на то, как они будут выполнять свои функции на избранном посту. Существенно здесь не то, что выборы будут производиться из нескольких кандидатов, а то, кто при этом будет избран и как он будет себя вести на избранном посту.

Исходя из нашего понимания коммунистического государства, мы

отвергаем лозунги многопартийности, выборов чиновников из многих кандидатов и прочие требования "демократизации" системы власти, считая их вздорными. Все требования такого рода могут быть осуществлены самими властями, а сущность системы власти от этого нисколько не изменится. Она лишь получит дополнительные средства маскировки и обмана населения. Мы не восторгаемся никакими заявлениями и обещаниями властей, не ищем в них никакие прогрессивные силы и тенденции, не участвуем в их псевдореформаторской суете. Коммунистическая власть в принципе не заслуживает доверия и поддержки нашей оппозиции. Лишь один пункт марксистского учения о государстве сохраняет силу в отношении коммунистического государства: оно срастается с привилегированными слоями общества, становится защитником их интересов в первую очередь. В этой смысле оно является орудием высших слоев населения держать в узде прочее население и эксплуатировать их в своих интересах. Более того, здесь государство само становится ядром и основой "эксплуататорских классов" общества.

Структура населения

Наша оппозиция существует не для самой себя, изолированно от нашего народа. Поэтому вопрос о социальной структуре населения имеет для нас первостепенную важность. Мы констатируем как факт социальную неоднородность советского общества, разделение его на слои с различными условиями жизни и интересами, Мы считаем официально признаваемое разделение людей на классы рабочих и крестьян и интеллигентскую прослойку идеологической пустышкой, отвлекающей внимание от более важных для коммунизма разделений граждан на иные социальные категории. Рабочий класс в марксистском смысле слова в коммунистическом обществе исчезает вместе с классом капиталистов; остаются рабочие как особая категория людей, занятых непосредственно физическим трудом. Эти люди принадлежат к низшим слоям населения. Идеология до сих пор утверждает сказку о рабочих как о главном классе общества, но в нее уже никто не верит: если человек имеет шанс перейти из рабочих в более высокую категорию, он это обычно делает; рабочими становятся обычно те, кто не имеет возможности лучше устроиться в жизни и те, у кого нет более высоких жизненных претензий. Сами рабочие не являются однородной массой, среди них имеют место различия, исключаящие общие интересы как постоянный фактор их образа жизни. Рабочие являются членами коллективов, состоящих из людей различных категорий, и решающая роль в этих коллективах принадлежит не рабочим, а всякого рода начальникам. Рабочие различных коллективов не объединяются в более обширные группы, независимые от органов власти и управления. Профсоюзные организации объединяют всех членов коллективов, начиная от уборщиц и кончая директорами, и не являются специфически рабочими организациями. Тем более это касается партийных организаций. Деятельность их ограничена рамками первичных коллективов. В стране возникло огромное число учреждений и предприятий, в которых рабочих ничтожно мало и роль последних незначительна.

Потеряло смысл и понятие "крестьянство". Социальная структура деревенского населения стала приближаться к городской в смысле разделения людей на характерные для коммунизма категории. Колхозы доживают свой век. Никакие меры властей, поощряющие частную инициативу в деревне, не способны остановить процесс коммунистического структурирования деревенского населения.

Аналогично обстоит дело и с понятием “интеллигенция”. К какой категории, например, отнести сотни тысяч людей с высшим образованием, работающих в милиции, в КГБ, в военных институтах, в штабах, учреждениях власти; десятки тысяч писателей, журналистов, художников, артистов, ученых суть функционеры аппарата власти и управления, работники идеологической пропагандистской машины. Огромное число чиновников системы власти и управления суть образованные люди и заняты умственным трудом; все признаки, по которым раньше отличали интеллигенцию от прочих граждан, утратили роль специфических отличий.

Определяющим для коммунизма является различие людей не по отношению к собственности, не по сферам занятости, не по профессиям, а по социальному положению в коллективах и в обществе в целом. В основе социального структурирования населения коммунистической страны лежат отношения начальствования и подчинения, обусловленные самим фактом объединения людей в группы, и последних – в более сложные коллективы и в единый социальный организм. Но было бы крайне абстрактным остановиться на этом. Подавляющее большинство начальников само находится в подчинении других, более высоких начальников, имеются многочисленные факторы, делающие границы между людьми различных категорий неопределенными и изменчивыми. И все же в реальной жизни происходит расслоение массы населения в зависимости от их социального статуса. Последний характеризуется следующими параметрами: положение на иерархической лестнице социальных позиций; престижный уровень профессии; размер заработной платы; наличие или отсутствие привилегий; характер привилегий; возможности использования служебного положения; образование и культурный уровень; бытовые условия; доступ к жизненным благам; сфера общения; перспектива улучшения положения и устройства детей. Лишь совокупность этих параметров определяет социальный статус человека, а не каждый в отдельности. По социальному статусу население коммунистической страны разделяется на три группы слоев: на высшие, средние и низшие. Грани между ними не абсолютны. Многие люди переходят из одних слоев в другие или занимают промежуточное положение. Внутри каждой группы имеют место свои подразделения и иерархия уровней. Тем не менее это разделение ощущается достаточно отчетливо.

К высшим слоям на каждом административном уровне (район, область, республика и страна в целом) принадлежат высшие лица аппарата власти и управления, а также некоторые привилегированные лица, допущенные в эти слои с ведома первых, например, привилегированные деятели культуры, прославившиеся и ставшие элементами пропаганды герои. Попадают в эти слои также лица, имеющие особые связи с указанными выше носителями высшей власти данного уровня. Представители высших слоев имеют самый высокий жизненный стандарт, в их руках – все блага, достижимые в данной стране, причем они имеют все почти без денег или за условную плату. Их богатством являетесь; не деньги, а социальное положение. На всех уровнях они связаны служебными и личными отношениями, круговой порукой, взаимными услугами. Они образуют правящие клики, принимающий мафиозный характер и зачастую перерождающиеся в уголовные. Мощный аппарат власти и идеологии охраняет их привилегированное положение. Коммунизм есть в первую очередь их общество. Они тут хозяева. Они суть коллективный эксплуататор общества в своих интересах. Они заботятся о прочих

соотечественниках лишь в той мере, в какой рабовладельцы заботились о рабах, помещики – о крестьянах, капиталисты – о рабочих. Кроме того, их забота о других слоях является вынужденной тем, что последние сами так или иначе добиваются некоторых благ явочным порядком и благодаря самим объективным условиям коммунизма. К низшим слоям относятся рабочие всех типов, работники сферы обслуживания, не занимающие постов, лица, занятые на подсобных работах в различных учреждениях, служащие контор и канцелярий, низший медицинский и научный персонал, воспитатели детских учреждений, рядовые милиционеры и прочие лица, выполняющие непосредственные деловые функции на низших ступенях социальной иерархии. К этим слоям относятся также начальники самых низших категорий. Социальная активность низших слоев близка к нулю. Они раздроблены, имеют самый низкий образовательный уровень, легче всех поддаются манипуляциям властей. Их солидарность ограничивается бытовыми отношениями асоциального характера. Их интересы представляют официальные общественные организации, администрация и органы власти. Их материальное положение в основном зависит от общего положения в стране и от политики руководства. Средние слои образуют сотрудники системы власти и управления среднего уровня, директора и заведующие обычных предприятий и учреждений, преподаватели высших учебных заведений, деятели культуры, научные работники – короче, основная масса служащих и начальников среднего уровня иерархии, а также творческая и интеллектуальная часть населения. К этим слоям относятся также многочисленные деятели спорта и других непроизводительных профессий. Эти слои самые разнообразные по составу. Их положение является двойственным. В одних отношениях они тяготеют к высшим слоям; многие их представители обслуживают высшие слои, имеют с ними контакты и переходят в них. Для некоторой их части это вообще есть лишь этап на пути в высшие сферы. В других отношениях и в других своих частях они близки к низшим слоям, разделяют их судьбу, зависят от произвола властей. Они поставляют наиболее активных апологетов режима. В них входят: работники идеологии и пропаганды, сотрудники партийного аппарата, карательных органов. Вместе с тем эти слои являются основой новых веяний в стране, прогрессивных, и даже порой оппозиционных унастроений. Они имеют самый высокий образовательный и культурный уровень. В них входит самая деловая и творческая часть населения. В них гораздо больше возможностей для неофициальных объединений, чем в низших слоях. И одновременно они в гораздо большей степени подвержены контролю властей, поскольку в них входит самая активная и бдительная часть власти. Представители средних слоев являются проводниками политики высшей власти. Вместе с тем, именно средние слои являются основной базой всякой более или менее серьезной оппозиции. Они суть самая живая ткань общества.

Гражданское общество

Анализ социальной структуры населения показывает, что лишь высшие слои образуют некое подобие социальных классов в традиционном смысле, то есть сравнительно однородные объединения людей, связанных единством интересов, образом жизни и деятельности, и привилегированным положением. Основная же масса населения представляет собой раздробленное скопление индивидов различных категорий, по самим условиям жизни не склонных к образованию больших и устойчивых неофициальных объединений. Господствующие же слои

принимают меры к тому, чтобы не допустить возникновения неподконтрольных объединений в низших и средних слоях. Принцип “разделяй и властвуй” здесь имеет чрезвычайно благоприятные условия в самих основах жизни людей. Нужна целая историческая эпоха социальной борьбы, чтобы созрели идеи и условия объединения широких слоев населения для защиты своих интересов. Мы находимся в самом начале этой эпохи.

Исходя из такого рода соображений, мы отказываемся от идеи создания такого рода организаций – типа политических партий – претендующих на то, чтобы представлять интересы какого-то “класса” общества. Никакого такого класса просто нет и быть не может в самой природе коммунизма. Коммунизм действительно есть общество бесклассовое в марксистском смысле слова, и это делает социальную борьбу при коммунизме особенно затруднительной. Мы видим выход из такого положения в деятельности по созданию в нашей стране не классового, а гражданского общества, то есть независимой от властей и устойчивой среды из представителей различных слоев населения, своего рода неофициальное подобие со своим образом жизни, со своими вкусами и взглядами, со своими критериями оценки явлений культуры и событий жизни, со своим отношением к официальной идеологии, власти и вообще ко всем явлениям, входящим в круг их интересов, со своими внутренними связями и отношениями. Мы уверены в том, что лишь при условии возникновения такого гражданского подобщества в нашей стране может сложиться массовая и устойчивая преемственная и прогрессирующая оппозиция, способная защитить себя от репрессий со стороны властей и оказывать заметное влияние на весь образ жизни советского общества. Выдвигая идею гражданского общества в качестве условия и формы социальной борьбы, мы не просто высказываем благое пожелание; тенденция к образованию такой среды обнаружилась заметным образом уже в послесталинские годы, когда представители различных слоев проявили солидарность в деле десталинизации страны, причем солидарность, независимую от органов власти. В брежневские годы диссидентское движение поддерживалось довольно широкими кругами населения; без такой поддержки оно не достигло бы такого размаха. Гражданское общество в описанном выше смысле не есть всего лишь продукт энтузиазма одиночек и стечения обстоятельств. Оно имеет основания в самих базисных условиях коммунизма. Мы усматриваем эти основания в следующем.

В нашей стране уже сложилась и систематически воспроизводится довольно большое число образованных и профессионально подготовленных людей, которые являются постоянными служащими государства, имеют гарантированную работу. Условия их труда сравнительно легкие. У них остается много сил и времени на свободную интеллектуальную жизнь. Для многих из них профессиональная деятельность есть их жизненное призвание. Она вынуждает их на размышление и на поведение, выходящие за рамки официально дозволенных и поощряемых. Им гарантирована по крайней мере минимальная заработная плата. Они независимы друг от друга материально. Поскольку они довольствуются достигнутым положением на иерархической лестнице социальных позиций, они и в социальном отношении оказываются взаимно-независимыми. Благодаря этому складывается сравнительно свободная и некарьеристическая общность людей, имеющая высокий образовательный уровень, свободное время и склонность размышлять на социальные темы. Более того, в этой среде развивается озабоченность положением в стране и желание стать

активными участниками исторического процесса. Многие из этих людей не могут в полной мере развить и использовать свои способности и навыки, а за свою деятельность получают вознаграждение, которое ими воспринимается как несправедливое. Они суть наиболее творческие и деловые члены общества. Их социальный статус не соответствует их самосознанию и жизненным претензиям. Это естественно порождает у них недовольство своим положением. В силу их роли в обществе это недовольство принимает форму критического отношения к самому социальному строю и к системе управления обществом. К этой категории граждан относился также большое число молодых людей, начинающих свою трудовую и творческую деятельность. Они отдают обществу все свои свежие силы и способности, получая за это самое мизерное вознаграждение. Они в начале жизненного пути находятся в самом низу социальной иерархии, получая вознаграждение соответственно их положению, а не соответственно их потенциальным способностям и реальной отдаче сил обществу. Эта категория членов коммунистического общества является относительно немногочисленной с точки зрения их числа в социальных группах, в которых они работают. Но в масштабах страны в абсолютном выражении она представляет весьма значительное явление. Она увеличивается численно с каждым годом. Роль ее в практической жизни страны становится все более серьезной. Эти люди не превращаются автоматически в оппозиционеров, они суть лишь потенциальная база для оппозиции. Нужно время и сложный исторический процесс, чтобы какая-то часть из них осознала свое фактическое положение и его несправедливость, почувствовала в себе силы бороться против нее, начала выработать формы сознания и поведения, адекватные своему состоянию и ведущие к конфликту с правящими слоями общества. Мы видим задачу социальной оппозиции в том, чтобы ускорить этот естественный и неизбежный процесс и придать ему определенную направленность, а именно – направленность на образование гражданского общества в рассмотренном выше смысле.

Гражданское общество не должно стать организацией; это есть своего рода ткань из представителей различных слоев и профессий, по самому способу жизни имеющих возможность и вынуждающихся на такой шаг. Будучи аморфным и неорганизованным, гражданское общество является неуязвимым для ударов со стороны властей. Представители его могут вести нормальный образ жизни и быть хорошими работниками и членами коллективов. Их принадлежность к гражданскому обществу не должна вредить их положению, а со временем должна стать средством защиты и успеха. Наивно рассчитывать на то, что гражданские общества будут складываться повсеместно. В деревнях, мелких поселках, провинциальных городах для него просто нет места. Оно есть прежде всего феномен столичный и в местах, находящихся в сфере влияния столицы. В России естественно ожидать его возникновения в Москве и в сфере ее влияния. Развившись и упрочившись в Москве, оно сможет оказать влияние на всю страну, послужит примером для других мест, окажет поддержку аналогичным тенденциям в провинции. Гражданское общество должно стать базой и питательной средой для социальной оппозиции, необходимым условием превращения ее из дела немногочисленных энтузиастов в более или менее массовое движение во всеми его атрибутами, организационными формами, программой и тактикой. Лишь через гражданское общество социальная оппозиция будет в состоянии оказать заметное влияние на образ жизни в нашей стране, на развитие социальной борьбы. Мы убеждены в том, что не социальная

гармония различных слоев населения, не социальный мир есть главный путь прогресса в нашей стране, а социальная борьба. Мы намерены делать все зависящее от нас, чтобы пробуждать и стимулировать эту борьбу.

Наше дело

Прежде чем гражданское общество сыграет ту роль, о которой говорилось выше, оно должно сформироваться в духе определенных идей, а не любых. Мы, энтузиасты социальной оппозиции, считаем главной формой нашей деятельности разработку этих идей и пропаганду их в России. Ядром ее должна стать всесторонняя критика нашего общества, опирающаяся на его научное понимание, то есть научная критика коммунизма. Мы намерены все явления советского образа жизни подвергать рассмотрению с той точки зрения, с какой они суть следствия коммунизма. Мы намерены акцентировать внимание не на преходящих недостатках жизни страны, которые в принципе могут быть устранены усилиями властей, а на таких свойствах общества, которые суть проявления его объективных закономерностей как общества коммунистического, от которых неспособна избавить никакая власть и никакие реформы сверху. Мы видим задачу научной критики коммунизма в том, чтобы вскрыть причины непреходящих зол реальной жизни людей в нашей стране, в самом социальном строе, а не в ошибках вождей, не в политике властей, не в неблагоприятных исторических условиях, не в плохих качествах людей. Поэтому мы не рассчитываем на такое милостивое отношение со стороны властей, какое сейчас можно наблюдать в отношении некоторых диссидентов, ставших лакеями Горбачева, и фрондирующих деятелей искусства, оппозиционность которых всегда была и будет ложной и эгоистичной. Нам предстоит проделать эту работу вопреки запретам властей на свой страх и риск, главным образом нелегально. Мы даже не намерены требовать легализации нашей деятельности, помня лживость и ненадежность всяких обещаний и решений властей насчет свободы слова.

Разработка научного понимания коммунизма и превращение этого понимания в оружие критики есть тяжелая работа, требующая многолетних усилий, способности, самоотверженности, терпения. Для этого мало знать факты жизни общества и иметь какой-то опыт жизни в нем; для этого нужно специальное образование, владение особой техникой исследования, доступ к достоверным сведениям в широких масштабах. Задачу эту не решить усилиями дилетантов, людей, по тем или иным причинам вставших на путь оппозиции. Одного критического отношения к реальности коммунизма еще далеко не достаточно для понимания того, почему реальность такова. Не решишь эту задачу и за счет того, что сделано и делается в этом направлении на Западе, хотя число людей, занятых Советским Союзом, здесь исчисляется многими десятками тысяч. Менталитет западных людей формируется под влиянием привычного образа жизни, существенно отличающегося от образа жизни советских людей, системы образования, средств массовой культуры и средств массовой информации. Все это порождает весьма негибкий, недialeктический, фрагментарный, хаотический способ мышления, склонный к сенсациям и к успокоительным примитивным псевдообъяснениям. Представление о советском обществе привносится в западное общество прежде всего журналистами, дипломатами, туристами, которые видят в советской жизни лишь поверхностные явления, да и то в той мере, в какой это разрешено и в какой это требуется данными условиями в средствах массовой информации на Западе и политической

ситуацией. Специалисты–советологи немногим превосходят дилетантизм журналистов и дипломатов, а часто даже уступают им. Они судят даже об очевидных явлениях советской жизни в той система понятий и представлений, какую они имеют в качестве людей западных, заинтересованных не столько в истине, сколько в самоутверждении за счет советской темы. На пути научного подхода к советскому обществу стоит такое препятствие, как масса людей на Западе, уже вовлеченных так или иначе в советскую проблематику. Эта армия “специалистов” занимает все ключевые позиции, от которых зависит сама возможность объективно–научного понимания советского общества и оценка всего происходящего там. Она влияет на общественное мнение Запада, на политиков, на средства массовой информации. У этих людей уже сложилось свое понимание социальных явлений и исторического процесса. На иное понимание они просто уже не способны. Наоборот, они прилагали и будут прилагать усилия к тому, чтоб помешать научному исследованию советского общества, видя в нем – в исследовании – угрозу своему положению. И они имеют для этого колоссальные возможности. Фактически они выполняли, выполняют и будут выполнять роль, аналогичную той, какую в Советском Союзе выполняет идеологический надзор.

Учитывая сказанное выше, мы считаем, что задача научной критики коммунизма должна быть решена в России собственными силами. В России имеется достаточно много профессионально образованных и способных людей, которые могут посвятить свою жизнь творческой деятельности в этой сфере науки. Мы видим нашу задачу в том, чтобы стимулировать эту деятельность. Для этого мы намерены приложить усилия к организации пропаганды результатов их исследований таким образом, чтобы эти результаты стали широко известны независимо от государственных средств печати. Социальной оппозиции предстоит покончить с дилетантизмом в сфере социального мышления, поднять дело оппозиционной пропаганды на профессиональный уровень, соответствующий интеллектуальному уровню потенциального, а в будущем – актуального гражданского общества. На этом пути нам надо быть готовыми к тому, что нам будут чинить препятствия масса людей и учреждений, до сих пор державших в своих руках средства оппозиционной пропаганды. Они уже превратились в вольных или невольных помощников советской власти в деле препятствования появлению в России устойчивой и преемственной оппозиции такого рода, какой может стать оппозиция социальная.

Мы не намерены ограничиваться научной критикой коммунизма. Мы считаем ее лишь идейной основой нашей пропагандистской работы. Мы намерены отбирать и пропагандировать произведения художественной литературы и публицистики, а также исторические и иные исследования, так или иначе связанные с проблемами социальными – но не любые, а лишь такие, которые соответствуют характеру наших идей. Такого рода произведения появлялись и в прошлые годы и наверняка будут появляться в будущем. Мы в этом отношении намерены продолжать лучшие традиции самиздата и тамиздата.

Современные средства распространения идей позволяют продвинуться в этом дальше наших предшественников. Эта форма оппозиционной деятельности уже доказала свою эффективность.

Что касается позитивных идей преобразования общества, мы отвергаем всякие утопические и непродуманные проекты на этот счет. Мы помним о величайшем уроке истории, когда стремление к самым светлым идеалам

привело к самым мрачным последствиям в нашей стране. Проекты преобразований, хорошо выглядящие на словах, далеко не всегда хороши в реальности. Мы не имеем в своем распоряжении никаких образцов, достойных подражания. Лозунги демократических свобод, прав человека, свободных профсоюзов, рабочего самоуправления, частной инициативы, децентрализации, многопартийности, выборов из нескольких кандидатов и тому подобное, выдвигавшиеся в последние десятилетия с целью неких коренных преобразований в коммунистических странах, были удобны для шумихи в западных средствах массовой информации, но оказались лишены самого элементарного здравого смысла. Горбачевское руководство, включив их в свою демагогию и допустив на деле кое-что из таких требований, с полной очевидностью обнаружило их бессмысленность в качестве требований оппозиции. Эти лозунги были заимствованы на Западе или навязаны Западом конъюнктурно настроенным диссидентам. Они не имели серьезных оснований в советских условиях и превратились в чисто политические пустышки. Эти лозунги требовали каких-то преобразований общества, причем незамедлительных; при этом полностью игнорировались объективные возможности для преобразований, их неконтролируемые последствия и время, необходимое для них. Эволюционные процессы, требующие исторического времени, мыслились как вневременные акции, как по волшебству, молниеносно приносящие желаемые результаты. Мы не отвергаем идеи прав человека или демократических свобод, но мы к этой идее подходим иначе, чем участники правозащитного движения. Мы считаем, что права не даруются сверху властями, а завоевываются в длительной исторической борьбе, причем не в виде некоего распоряжения начальства, а в виде создания в самих условиях жизни феноменов, которые лишь закрепляются законодательно. Коммунистическое общество есть общество неправовое в строгом смысле слова; здесь монополистом в истолковании и исполнении юридических норм является всесильное государство. Здесь на бумаге могут быть декларированы самые прекрасные права человека и демократические свободы, но на деле они игнорируются или истолковываются так, что в реальности от них ничего не остается. Поэтому мы считаем своим долгом не апелляции к властям с требованиями принять законы относительно прав человека или демократических свобод, не требования соблюдать эти законы, а разоблачение неправовой сущности коммунизма. Мы поддерживаем такие действия людей, на которые они не спрашивают разрешения властей; благодаря которым в практику жизни явочным порядком входят феномены, отвечающие интересам масс населения. Строительство правового общества надо начинать с фундамента, а не с крыши. Права человека и демократические свободы не суть нечто такое, что с рождения положено людям от природы; это – форма, организации общественной жизни, добытая в результате длительной эволюции общества лишь определенного типа, а не любого. Бездумный перенос их в чуждую им среду коммунизма порождает лишь самообман и разочарование. В нашей стране нужно еще завоевать более фундаментальные условия человеческого существования, на основе которых со временем – возможно – встанет вопрос об их законодательном признании и закреплении. Мы считаем, что в современных условиях нашей страны разработка научного понимания коммунизма, критика явлений советской жизни с позиций этого понимания и пропаганда наших идей есть дело неизмеримо более важное, чем выдумывание практически невыполнимых программ и попытки создания конъюнктурных организаций, имитирующих прошлые

образцы или подражающих западным. Социологическое образование и просвещение широких слоев населения есть абсолютно необходимое условие прогресса нашей страны в социальном отношении. Эта задача является неизмеримо более сложной и трудной, чем любые другие формы оппозиционной борьбы, хотя в словесном выражении это и выглядит вроде бы проще всего. На этом пути мы будем иметь против себя сверхмощный аппарат образования, воспитания и идеологической обработки населения, сверхмощные государственные средства массовой информации, всю сферу культуры, и косность многомиллионных масс населения.

Мы не предлагаем никакой альтернативы коммунизму, считая любую альтернативу такого рода в наше время утопией или просто безответственной болтовней. Мы не считаем западные страны образцом общественного устройства, какой мы могли бы рекомендовать советским людям, Блага западных стран далеко не абсолютны и далеко не все граждане имеют возможность воспользоваться ими практически. Одними демократическими свободами сыт не будешь. Чтобы насладиться материальным изобилием, нужны деньги, а чтобы заработать деньги, человек должен спуститься в преисподнюю западного рая, которая ничуть не лучше советской. За блага западной демократии тоже приходится платить немалую цену, да и существовали они не вечно. В борьбе за них были принесены огромные жертвы. Мы намерены ориентировать сознание наших соотечественников именно на неизбежность исторической борьбы за лучшие условия жизни, а не на ожидание их в качестве дара свыше, а тем более со стороны Запада. Советскому народу предстоит не просто позаимствовать какие-то социальные образцы на Западе и перенести их в готовом виде на свою почву, но начать новую эпоху исторического творчества. Это будет эпоха проб и ошибок, иллюзий и разочарований, успехов и поражений. Жизненные блага, подобные западным, – подобные, но не те же самые! – будут завоеваны как результат истории, причем на основе тех достижений, которые уже стали привычными. А ведь гарантии удовлетворения минимальных потребностей, работы, образования, медицинского обслуживания и т.д. стоят того, чтобы за них сражаться. Ирония истории состоит в том, что сами советские власти стали насаждать в стране второстепенные западнообразные явления, дабы как-то оправдать покушение на достижения семидесятилетней советской истории. Наша страна все еще находится в начале нового исторического этапа, и ей еще только предстоит выстроить идеалы будущего. Мы видим одну из наших задач в том, чтобы разрушить возникшие в последние десятилетия иллюзии, будто Запад есть тот рай земной, к которому следует стремиться. Эти иллюзии деморализуют советских людей, отвлекают их внимание от борьбы за реальные жизненные ценности, от объективного познания своего собственного общества. В обстановке смуты, идейного хаоса и растерянности, наступившей в нашей стране в последние годы, всякого рода конъюнктурщики и ловкачи навязывают массам населения новую ложь относительно сущности нашего общества, его прошлого и путей к лучшей жизни. Мы намерены противопоставить этому мутному словоблудию и бессовестному бесовству позицию объективности и реалистичности. На спекуляциях за счет кратковременной политической конъюнктуры серьезную оппозиционную традицию создать невозможно.

В отношении организационных форм мы точно так же предлагаем начинать с естественного начала, уже апробированного в прошедшие десятилетия,

а именно: с создания небольших неофициальных групп из лично знакомых людей, связанных общими интересами к проблемам мировоззрения, теории общества, социальной истории, эволюции социальных идей, социальной борьбы, коммунизма, советского общества и его истории. Деятельность таких групп должна определяться стремлением к образованию независимого от официальной идеологии и подконтрольной ей науки самостоятельного исследования в этих сферах, к обсуждению узнанного и познанного, к распространению полученных сведений и результатов в своем окружении. Иначе говоря эти группы должны сделать предмет своей деятельности все то, что входит в сферу государственной идеологии и общественных наук, но независимо от них, с иной ориентацией и с иным способом понимания. Результаты этого должно явиться создание оппозиционного мировоззрения, которое послужит основой идейного объединения стихийно возникающих оппозиционных групп. Именно идейное единство должно стать исходным пунктом будущей массовой социальной оппозиции. Мы, таким образом, настаиваем на не случайном скоплении людей, по тем или иным причинам ставших на путь протеста против отдельных явлений советской жизни, а на идейном объединении обычных граждан, причем на высоком уровне образованности, понимания и убежденности. Мы настаиваем не на бесформенном и негативном инакомыслии, а на вполне определенном, вполне позитивном единомыслии во взглядах на мир, на познание, на общество, на коммунизм, на ситуацию в нашей стране и ее перспективы. Социальная оппозиция должна породить единое идейное движение, по своему интеллектуальному и творческому уровню соответствующее образованной части человечества конца двадцатого века. Это движение должно привлечь к себе внимание гражданского общества, а через него – и широких кругов населения страны. Надо начинать с овладения умами людей, и на этой основе – их душами и чувствами. Как они потом будут вести себя в качестве граждан, зараженных оппозиционной идеологией – покажет время.

Отношение к Западу

Мы принципиально иначе, чем диссиденты, подходим к оценке роли Запада в советском оппозиционном движении. Было бы несправедливо игнорировать то, что Запад сыграл огромную роль в создании оппозиционной вспышки в Советском Союзе в хрущевские и брежневские годы. И в будущем “тлетворное влияние” Запада здесь будет ощущаться. Но было бы преступно закрывать глаза на негативные стороны влияния Запада на советскую оппозицию. Поощряя, например, советскую эмиграцию, Запад действовал в удивительном согласии с советскими властями. Он добился того, что многие диссиденты покинули страну и это стало одной из причин деградации движения. Угождая умонастроениям на Западе, многие бывшие диссиденты встали на путь сотрудничества, с советскими властями. Последние даже стали смотреть на советских эмигрантов как на свои форпосты в пока еще мирном вторжении в западные страны.

Запад руководствовался и будет руководствоваться впредь своими представлениями о советском обществе, своими критериями оценки общественных явлений и своими интересами. Запад поощрял в советской оппозиции лишь то, что отвечало его понятиям, вкусам, целям, а отнюдь не то, что отвечало потребностям и возможностям внутренней социальной эволюции самого советского общества. Запад навязал многим тысячам советских людей такое понимание советского социального строя, истории страны и целей социальной борьбы, какие совершенно

неадекватны условиям жизни и интересам советских людей. Это привело к дезориентации сознания оппозиции и сочувствующих ей кругов населения, к измельчению социальной борьбы вообще, к замутнению идейной ситуации. Вот почему освобождение от всего того, что Запад стремится навязать советской оппозиции, не считаясь с внутренними закономерностями коммунистического общества и потребностями его граждан, является одной из важных установок социальной оппозиции. В нынешних условиях, когда западные средства массовой информации стали почти единодушно проводниками горбачевской политики, а влиятельные силы Запада, ранее поддерживавшие оппозиционную критику советского режима фактически предали это дело, освобождение от западной опеки становится абсолютно необходимым условием создания нормальной отечественной, а не импортной оппозиции.

Социальная оппозиция должна существовать не для того, чтобы давать материал для западных средств массовой информации, или каких-то людей или организаций на Западе, эксплуатирующих советскую тематику для своих целей. Она сначала должна выработать свои собственные качества, соответствующие ее положению в ее собственном обществе, утвердиться в этих качествах как постоянно действующий фактор советской жизни, и лишь на этой основе она должна использовать возможности, какие ей может предоставить Запад. Не социальная оппозиция для Запада, а Запад для социальной оппозиции.

Социальная оппозиция, очевидно, не может при такой установке рассчитывать на сенсацию и поддержку на Западе, какие выпали на долю диссидентов. В этом, конечно, есть свои минусы. Но есть и плюсы. В социальную оппозицию будут вовлекаться люди не из соображений личной выгоды за счет оппозиции, а в силу глубоких убеждений, бескорыстные, с готовностью пойти на жертву. Моральная чистота оппозиции является препятствием в достижении скорых и показных успехов, достаиваемых внимания прессы, но зато она окупится сторицей в исторической перспективе.

Послесловие

Этот манифест касается самых общих, фундаментальных принципов социальной оппозиции. Я не касался в нем многих других проблем, таких, например, как отношение к другим формам оппозиционного движения, средства и методы пропаганды, связь с оппозиционными движениями в других странах, ... Я думаю, что сейчас представляется возможность обсудить все эти вопросы на приличном, теоретическом уровне, без особой спешки, и без вовлечения в дискуссию лиц, не заинтересованных во внесении в оппозиционное движение беспощадной ясности и определенности.

Мюнхен, январь 1989 г.